

RU

Феномен слухов как объект студий в современной отечественной лингвистике: систематический обзор

Хакимова Г. Ш.

Аннотация. Цель данного систематического обзора - выявить основные тенденции, возникшие с конца XX века по настоящий период, в области изучения проблематики слухов с позиций языковой практики. Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые обобщен и оценен вклад российских языковедов в разработку лингвистической теории слухов. В результате проведенного анализа показано, что современное состояние проблемы характеризуется многовекторной направленностью исследовательских работ. Установлены два магистральных методологических подхода при рассмотрении лингвистических аспектов феномена слухов: коммуникативно-ориентированный и культурологически-ориентированный. Данный этап изысканий свидетельствует о формировании самостоятельного направления в рамках отечественной лингвистики.

EN

The Phenomenon of Rumours as a Study Subject in Modern Russian Linguistics: A Systematic Review

Khakimova G.

Abstract. The purpose of the systematic review is to identify the main trends that have emerged in the field of studying the range of problems related to rumours from the late XX century to the present day from the standpoint of linguistic usage. The study is novel in that it is the first to summarise and evaluate the Russian linguists' contribution to development of the linguistic theory of rumours. As a result of the analysis, it is shown that the current state of the issue is characterised by multi-faceted orientation of research activity. The author has identified two main methodological approaches when considering linguistic aspects of the phenomenon of rumours: the communication-oriented one and the approach oriented towards cultural studies. This stage of research indicates formation of an independent direction within the framework of the Russian linguistics.

Введение

Объектом изучения в настоящей статье являются работы отечественных лингвистов, посвященные исследованию одного из наиболее специфичных интегральных элементов коммуникативной среды – феномена слухов. Несмотря на архаичность слухов как канала передачи информации, их значимость в коммуникативных процессах, присущих современному информационному обществу, существенно выросла благодаря их функциональным возможностям, которые широко эксплуатируются в связи с растущим уровнем информатизации и цифровизации всех сфер общества, технологизации информационных процессов, значительно расширяющих сферу распространения слухов. Обусловленный этими причинами возрастающий к ним интерес российской науки составляет актуальность настоящего исследования.

Благодаря своей многоаспектности слухи являются предметом, на котором сосредоточено внимание представителей многих гуманитарных направлений. Бесспорно, объективная модель слухов как явления текстово-языковой природы не может быть сконструирована без участия науки о языке. Настоящая статья представляет собой анализ отечественных работ, в которых освещаются различные аспекты слухов в русле лингвистики и хронологические рамки которых ограничиваются периодом с 1998 г. по 2019 г. Особо отметим, что за пределами нашего обзора остаются исследования, сфокусированные на медиаслухах, заслуживающих

отдельного рассмотрения. Выбор указанного круга исследований детерминирован назревшей необходимостью детального изучения и систематизации новейших лингвистических работ, поскольку, по нашим данным, последний обзор в этом русле представлял собой историографический вариант и был осуществлен в 2011 г. Е. В. Осетровой на более широком материале: общей филологии, фольклора, истории, лингвистики [19]. Из известных нам трудов в формате языкознания выделены в первую очередь те, в которых феномен слухов являлся прямым объектом осмысления, но учитывались и работы, в которых он изучался опосредованно. Сюда относятся и объемные, фундаментальные исследования, и небольшие по формату статьи.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи: выявить работы, посвященные феномену слухов в указанный период, систематизировать его аспекты, находящиеся в исследовательском фокусе лингвистики, а также методы, применяемые при их постижении, обобщить и оценить актуальный отечественный опыт научной квалификации феномена слухов в плоскости лингвистики. Практическая значимость работы состоит в оценке степени изученности проблемы слухов с позиций языковой практики на современном этапе, необходимой при разработке лингвистической теории слухов.

Актуальные направления изучения слухов в отечественном языкознании

Не вдаваясь в детальный анализ истории изучения, отметим, что к слухам как полноценной языковедческой проблеме лингвисты обратились относительно недавно. В пионерской работе В. В. Прозорова, нацелившегося к ним как к объекту филологии в конце 1990-х гг., сделан целый ряд ценных замечаний относительно их языковой природы, а также обозначены перспективы изучения слухов в русле психо- и социолингвистики [24].

В последнее двадцатилетие ощущается всплеск интереса к данной проблематике отечественных представителей различных языковедческих школ и подходов. Практика показывает, что специфичность и многогранность исследуемого объекта потенцирует его изучение с применением различных языковедческих процедур анализа, методов и методик. Изучаемый феномен обладает сложной природой, в которой тесно сплетаются информационно-коммуникативная основа и социокультурная составляющая, являющиеся его неотъемлемыми и трудно разделимыми характеристиками, поэтому многие работы представляют собой комплексные исследования, интегрирующие различные подходы в рамках означенных основных направлений.

Слухи достаточно успешно изучаются как источник культурологической информации. Одним из наиболее востребованных направлений в русле указанной парадигмы является рассмотрение слухов как феномена коммуникативно-текстовой и жанровой природы. Слух как речевой и фольклорный жанр, существующий в рамках устной культуры и неформального дискурса и являющийся источником и способом передачи информации, альтернативным официальному, разрабатывается Е. Е. Левкиевской. Приверженность исследователя этнолингвистическим традициям прослеживается в представлении слухов как явлений, опирающихся на устойчивые культурные модели и механизмы, относящиеся к базовым элементам национальной картины мира. По мнению автора, в русской традиции существуют два основных термина для обозначения этого жанра текстов – слухи и толки. Причем внутренняя форма первой лексемы актуализирует идею восприятия информации, а во второй акцентируются порождение и передача информации. Функции слухов рассматриваются в пяти основных аспектах: аксиологическом, когнитивном, дидактическом, коммуникативном и фатическом [13].

Фольклорная природа устных нарративов, бытующих в современном городе, включая слухи, исследуется в диссертации И. С. Веселовой на основе анализа различных уровней текстов и выявления их дифференциальных признаков. Исследователь выделяет несколько жанровых комплексов городского устного рассказа, объединенных общностью синтагматических, семантических и парадигматических характеристик, относя слухи к текстам причинно-следственного типа сюжета с мифологической или этической связкой, предпочтительно общественным хронотопом, нестрогой достоверностью и рядом функций (регулятивной, психотерапевтической, прогностической и информационной) [3].

Расширяя классическую теорию фольклора и фокусируясь на новом явлении фольклорного пространства – фолькнете (интернетлор), вызванном техническим прогрессом и совершенствованием коммуникативных технологий особенно в информационном секторе, М. В. Загидуллина фокусирует свое внимание на слухах как жанре «новой среды обитания» – интернет-среды. Несмотря на акселерацию (увеличение скорости распространения), пространственную глобализацию (расширение границ распространения) и тематический герметизм (слухи известны только «вовлеченным» в соответствующую тему людям) как основные тенденции современного развития этой формы массовой коммуникации, автор настаивает на том, что «слухи продолжают выступать в качестве достаточно ярко выраженной архаичной формы массового сознания, сохраняя основные черты мифологического мышления» [7, с. 37]. Мифотворческая функция слухов является, по мнению исследователя, связующим звеном между коммуникативной природой слухов и толков и их фольклорной основой. На примере устойчивых слухов о ВАКе, закрепленных на уровне легенд и анекдотов среди такой специфической части интернет-аудитории, как диссертанты, М. В. Загидуллина рассматривает роль слухов в формировании современных мифов. Автор усматривает параллель между процессом защиты диссертаций и мифами об инициации, что заключается в том, что диссертанты (как иницируемые) испытывают целый комплекс психологических переживаний в связи с серьезностью самого «обрядя защиты» (инициации), и именно чувство неизвестности становится благодатной средой для постоянного мифотворчества, фиксируемого в виде текстов в коммуникативном пространстве Интернета. Анализ этих текстов показывает, что ВАК

персонифицируется как существо мужского пола (в отличие от расшифровки аббревиатуры «высшая аттестационная комиссия»), что сближает его с мифической моделью «многоглавого дракона» (в связи с этим сама аббревиатура часто заменяется местоимением *они*). В результате исследования делается вывод о том, что «слухи “обслуживают” мифотворческую модель и способствуют созданию образа сакрализованного центра, условно персонифицированного “демиурга”, в руках которого находятся судьбы самих участников процесса распространения слухов» [Там же, с. 41].

Одним из главных дискуссионных вопросов анализируемого направления остается соотношение коммуникативных феноменов слуха и сплетни. Существуют две противоположные точки зрения: слухи отождествляются и не отождествляются со сплетнями. Г. Е. Крейдлин и М. В. Самохин одними из первых рассматривают триаду «слух – молва – сплетня» в качестве особых речевых актов (на материале русского языка), аргументируя их свойства подключением семантического анализа их словарных толкований и сочетаемостных характеристик, соединяя тем самым объяснительный потенциал лингвистической коммуникативистики и лексической семантики [11]. В своей работе авторы производят подробный анализ их структурных, функциональных и текстовых свойств, среди которых выделяют следующие: комплексный характер, проявляющийся в множественности активных участников процесса порождения и интерпретации самого речевого акта или отдельных высказываний, из которых он состоит; возможное (относительно) большое пространство распространения; возможная (относительно) высокая скорость распространения по различным информационным каналам; особое отношение к истинности передаваемой информации; вербальность; краткость; нарративность; монотемность; устность; принадлежность к чужой речи; относительно жесткая привязанность к актуальным событиям и ко времени, в течение которого эти события происходят, а также возможность импровизации и кооперативного участия многих людей в производстве и распространении слухов [Там же, с. 117-119]. Кроме того, взвешенным представляется подробный анализ различительных признаков слов синонимического ряда на основе специфики соответствующего коммуникативного акта, включая тип участников коммуникации (характеристику актантов), обстоятельств коммуникативной ситуации, характера передаваемой информации, коммуникативных намерений участников коммуникации, мотивов/целей создания и распространения речевого акта, области и характера его распространения и др. Наиболее ценными положениями можно признать идеи исследователей о том, что слух, будучи родовым понятием для молвы, собственно слухов и сплетни, – это не просто сообщение, а коммуникативный процесс и – шире – совместная коммуникативная деятельность людей, имеющая строение, содержание и особенности функционирования. Исследователи приходят к выводу о двойственном характере феномена слухов, сочетающих в себе полярные концептуальные свойства гармонии и беспорядка. Данная работа послужила отправной точкой для последующих исследований слухов в лучших традициях речеведения.

К одной из таких работ относится статья Т. Г. Рабенко [25], исследующей сплетню как речевой жанр в рамках жанроведения и раскрывающей механизм ее развертывания на примере рассказа А. Аверченко, в котором она выступает в качестве сюжетообразующего фактора. При попытке установить границы исследуемого жанра в системе межличностного общения автор определяет их триадой «сплетня – слухи – молва», указывая на сущностную близость номинаций, обусловленную общим смысловым компонентом «устное распространение непроверенной информации» и общими прагматическими установками стоящих за ними речевых жанров ввиду формирования в однотипных ситуациях. Надо заметить, автор весьма осторожно определяет статус сплетни, оставляя открытым вопросы устойчивости данного жанра в частности и самостоятельности обозначенных триадой жанров в целом. На основе предложенных Г. Е. Крейдлиным и М. В. Самохиным критериев Т. Г. Рабенко обобщает дифференциальные признаки триады, однако справедливо замечая, что в реальном речевом общении достаточно сложно определить жанровую соотношенность образцов речи в силу совмещения в них признаков нескольких жанров, их жанровой диффузности. За жанровой моделью сплетни исследователь видит коммуникативную ситуацию, главными признаками которой выделяются самотранслируемость (когда каждый участник привносит дополнительные элементы в услышанное, что приводит к искажению, зачастую гипертрофированному, исходной информации), аксиологичность (оценочный характер высказываний, включающих элементы осуждения поведения обсуждаемых членов общества, не вписывающегося в морально-этические нормы социума), анонимность источника информации (отчуждение говорящего от передаваемого им сообщения посредством ксенопоказателей) [Там же].

Другая группа исследований представляет собой ряд работ, выполненных в русле лингвокогнитивного подхода. Концептуальная природа слухов в парадигме лингвокультурологии впервые становится объектом изучения в статье Т. А. Долгой на примере концепта слухов в русской культуре [4]. Слухи трактуются как «неподтвержденная информация, передаваемая из уст в уста, отражающая как реальные, так и вымышленные события, преимущественно с отрицательной оценкой» [Там же, с. 95]. Чуть позже исследователь обращается к слухам вновь, но уже в координатах лингвистической коммуникативистики – как к виду массовой информации, включающему сплетни [6].

Когнитивно-лингвокультурологическое измерение слухов на материале английского языка представлено и в работах Г. Ш. Хакимовой [33-35]. Используя метод лексикографического анализа, автор исследует когнитивные и этнокультурные характеристики концептуального «портрета» слухов в англоязычной языковой картине мира на лексико-фразеологическом уровне его языковой репрезентации. Согласно исследователю, концепт СЛУХ выступает как сложный когнитивный конструкт, таксономия элементов которого представлена

на основе следующих аспектов: содержательно-тематического, морально-этического, аксиологического, эпистемического, социально-психологического, коммуникативного, временного, пространственного, аспекта актуальности/сенсационности. В результате исследования выделены прототипические признаки концепта СЛУХ: неформально-межличностный уровень функционирования, анонимность источника информации, неverifiedируемость (неподтвержденность) передаваемых сведений, градуированная степень их достоверности, предметный характер информации, её циркулируемость [34].

Новейшими исследованиями, выполненными в рамках рефлексии исследуемого феномена в лингвистике, являются работы О. В. Рамантовой и Д. В. Шейко, в которых представлены диаметрально противоположные точки зрения в контексте продолжающейся дискуссии о соотношении понятий слуха и сплетни. О. В. Рамантова, видя в слухах особый вид коммуникативной деятельности человека, сосредоточивается на их прагматических аспектах [31]. В своих работах исследователь изучает английское понятие *rumour* в совокупности проявлений его семантических, прагмакоммуникативных и когнитивных характеристик, репрезентируемых в текстах У. Шекспира, основываясь главным образом на методологии прагмакогнитивного подхода. Автор фокусирует внимание на анализе высказываний, содержащих слухи, изучая особенности коммуникативной ситуации передачи слухов на основе таких критериев, как источник передаваемой информации, обстоятельства коммуникации, межличностные отношения коммуникантов. В связи с тем, что основным маркером коммуникативной ситуации передачи слухов выступает то, что говорящий не является первичным источником информации, главными параметрами категории *rumour* признаются неподтвержденность и относительная достоверность информации, в связи с чем коммуникативная ситуация в своей основе формируется вокруг верифицируемости передаваемых сведений. Определяется сложноструктурированность (двусоставность) модели коммуникативной ситуации передачи слухов, включающей имплицитно выраженную в тексте ситуацию их порождения, в которой присутствует реальный источник информации, и эксплицитно выраженную в тексте ситуацию передачи слухов без конкретизации источника информации [28]. В результате привлеченного дефиниционного анализа на лексико-семантическом уровне слухи трактуются как «сложное и обширное образование» и репрезентируются ключевой лексемой *rumour*, не содержащей явно выраженного оценочного компонента и выступающей как «общая и нейтральная категория». А семантическая единица *gossip* причисляется к периферийным элементам лексико-семантического поля *rumour* со значением «частный случай ситуации порождения и распространения слухов» и признается ключевой лексемой самостоятельного семантического поля языковых средств, репрезентирующих категорию злословия и обладающих негативной коннотацией [30, с. 123-124]. Автор выявляет различия, существующие между этими двумя типами, называя их «коммуникативной асимметрией» по ряду их составляющих [27]. Кроме того, привлекается коммуникативный анализ диалогов в ситуации слухов и выявляется их многоуровневый характер, обеспечиваемый особой функциональной характеристикой слухов – их «рекуррентностью» (вторичностью в плане порождения информации) [29]. Наконец, ситуации передачи слухов и злословия анализируются с точки зрения теории речевых актов, в результате чего предлагается квалифицировать высказывания со значением злословия как слитные речевые акты, учитывая намерение говорящего не только сообщить негативную информацию, но и ввести в заблуждение собеседника [26].

Д. В. Шейко видит в явлениях «слух» и «сплетня» социальные механизмы коммуникативного взаимодействия и включает их в группу «непроверенная, недостоверная информация». Однако, признавая близость понятий благодаря общим чертам (неполнота информации, стремление к правдоподобию (убедительность), наличие подтекста, преимущественно устный характер распространения), автор разделяет их как самостоятельные явления, указывая на их различия по следующим критериям: содержание, оценка, степень сложности, наличие источника информации, тематика, количественная характеристика, степень вовлеченности говорящих, длительность существования и способность влиять на поведение адресата [40]. В дальнейшем свое внимание Д. В. Шейко фокусирует на изучении явления сплетни. Признавая её многофакторную и многокомпонентную сущность, автор применяет комплексный подход, сочетая методы лексической семантики, лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Определяется объем семантического содержания слова «сплетня», зафиксированного в словарях и установленного на основе анализа его синтагматических отношений [37], описываются наиболее значимые смысловые зоны с выделением языковых, узуальных и авторских семантических компонентов, демонстрирующих специфику изучаемого фрагмента русской наивной картины мира [39], выявляются оценочный и образный компоненты лексического значения слова «сплетня» [36], моделируется структура и содержание фрейма-сценария сплетни как явления русской лингвокультуры [38]. В результате исследования сплетня предстает как «десемантизированный текст» [41], «сложное когнитивно-речевое явление» [39, с. 12].

В ряде работ проблема слухов затрагивается на фоне рассмотрения многомерных категорий (часто оппозитивного характера), обладающих интердисциплинарным содержанием: достоверность/недостоверность, определенность/неопределенность, ложь/правда (истина) и т.д. Так, при изучении лингвистических параметров коммуникативной категории достоверности, представляющей на основе когнитивно-дискурсивного подхода как сложное когнитивное образование и прагматическая категория, Н. Н. Панченко выделяет 8 основных типов речевых жанров, ориентированных на достоверное/недостоверное коммуникативное поведение. Среди них выделены 2 вида, имеющие непосредственное отношение к изучаемому объекту: сплетни и газетная «утка» [21]. В отличие от Т. Г. Рабенко, указывающей на спорность вопроса о статусе жанров, представленных триадой «сплетня – слухи – молва», Н. Н. Панченко уверенно не отождествляет понятия сплетни

и слуха, дифференцируя их по признаку направленности информации и вида фактически в молве «как множестве слухов и сплетен, “рассеянных” в пространстве и времени, шлейфом тянущихся за человеком/событием», родовое понятие [22, с. 226]. Исследователь относит сплетни к специфическому жанру устного бытового общения, соединяющему фатическую и информационную коммуникации, имеющему нарративный характер, затрагивающему приватную сферу и содержащему элементы косвенного осуждения третьего лица. Жанровую характеристику сплетен на основе семантического анализа автор дополняет когнитивно-фреймовым анализом сплетничания как коммуникативного события, прототипический сценарий которого имеет многослойную структуру и состоит из фреймов новости, обсуждения и осуждения. С учетом известного тезиса этнокультурного подхода о национально-культурной специфике речевых жанров с различным прагматическим, семантическим и коммуникативным воплощением сценариев у разных народов интересными представляются рассуждения автора в отношении различий в культурно-национальной коннотации сплетни при сравнении англоязычной и русской лингвокультур. Предполагается, что для носителей английского языка нехарактерно эмоционировать в процессе сплетничания в той высокой степени, отличающей русских, «которым свойственна упоительная вовлеченность в обсуждение близких, коллег и знакомых (посплетничали от души, вдоволь насплетничаться)» и для которых номинация «сплетня» однозначно отрицательно маркирована [Там же, с. 231].

В терминах категории достоверности проводит свои дальнейшие изыскания в области слухов и Т. А. Долгая. Автор разрабатывает типологию валеологических слухов на основе данного критерия, определяемого надежностью источника информации, установкой адресанта на правдивое поведение, потенциалом восприятия информации со стороны адресата и соответствием содержания высказывания действительности. В свою очередь, классифицируются и источники информации на основе двух дихотомий: авторитетности/сомнительности, обусловленной их репутацией и частотностью ссылок на них, и их независимости/ангажированности [5].

Е. В. Осетрова изучает проблему слухов на основе универсальной гносеологической категории неопределенности в целом и лингвистической категории авторизации в частности. Работы этого исследователя заслуживают особого внимания, поскольку представляют собой широкомасштабное изучение проявлений слухов в языковой и речевой действительности, внося значительный вклад в изучение данной проблематики. В качестве методологической базы автор избрал один из коммуникативно-ориентированных подходов – речеведение. На его основе предложена концепция неавторизованной информации в отношении неформальных сообщений в рамках категории неопределенности, обосновано существование Устного канала в системе массовой коммуникации, одним из потоков которого являются молва и слухи, описан механизм работы Устного канала и функционирования слухов как самостоятельного речевого жанра на основе методологического треугольника: язык – текст – речь (на русскоязычном материале) [16; 20]. Помимо реконструкции сценариев ситуации обращения неавторизованной информации в устной коммуникативной среде, в обстоятельствах спонтанной речи в виде исчисления варьируемых коммуникативных шагов, автор исследует потенциал слухов как элементов письменной коммуникации, подчеркивая универсальный характер слухов, который «эксплуатируется всеми каналами практически в любой области коммуникативного пространства» [16, с. 24]. Исследование «тройственной коммуникативно-текстово-языковой природы» неавторизованной информации подкрепляется разработкой языковой модели процесса распространения слухов на основе авторской картины мира в рамках художественного дискурса (на материале романов Б. Акунина) [Там же, с. 31-37]. Е. В. Осетрова не обходит вниманием и метафорическую сторону языкового образа слухов в русской ЯКМ [18]. Наконец, осуществлен детальный историографический обзор отечественных исследований, посвященных слухам как общефилологической, фольклорной и лингвистической проблеме [19], а также как объекту ряда гуманитарных направлений (социология, психология и пр.) [15]. Несомненно, выдвинутые исследователем положения обладают серьезной объяснительной силой и способствуют существенному осмыслению лингвистической природы слухов в лучших традициях речеведческого подхода. Один из главных выводов, к которым приходит исследователь, – это «подтверждение сложной, внутренне противоречивой природы слухов» [17, с. 87].

Отдельного анализа заслуживают работы, в которых языковое воплощение слухов изучается в контексте категории эвиденциальности (засвидетельствованности). Уточним, что традиционно выделяют прямой и косвенный типы свидетельства [9, с. 92]. В более подробной классификации слухи относят к микрополю пересказывательности косвенного типа эвиденциальности [23, с. 322]. Эволюция взглядов в лингвистике на категорию эвиденциальности привела к тому, что первоначальное отношение к ней как исключительно грамматической категории трансформировалось в сторону расширения границ ее значимости. Присутствие эпистемического фактора в эвиденциальных значениях приводит порой к невозможности отделить её от категории эпистемической модальности, что детерминировано двумя факторами. С одной стороны, это является следствием проявления особенностей самого коммуникативного процесса, обусловленного отражением в нем различных характеристик коммуникантов (социальных, психологических, физических, когнитивных). С другой – сама категория усложнилась в семантическом и структурном плане, поскольку эвиденциальные значения стали отражать более широкие сведения об источнике информации, включая оценку истинности пропозиции, что допускает их различную интерпретацию и оттенки оценочности. Исследования на материале современных языков доказывают универсальный характер эвиденциальности, определяя её статус как категории коммуникативного или актуализационного плана. В частности, при пристальном изучении эмпирического материала английского языка установлено, что концептуальное поле данной коммуникативной категории простирается до модусных значений, включающих категориальные признаки авторства,

достоверности, информативности, кажимости, субъективного мнения или ненавязывания, непричастности и пересказывания чужих слов. Расширение её функциональной нагруженности происходит также за счет включенности дополнительных оттенков значений оценки, мнения, суждения, подозрения, уверенности/неуверенности, осведомленности, возможности, вероятности и др., что обуславливает обширный арсенал эвиденциалов (лексических, грамматических и синтаксических) [8].

Полифункциональный характер категориальных значений и оттенков обсуждаемой категории обуславливает её широкое использование в разных коммуникативных ситуациях и стилях, в том числе в рамках «слуховой» коммуникации (канала). Лингвистическая ресурсная база эвиденциальных значений слухов успешно изучается в исследованиях, выполняемых в русле функциональной грамматики, в коммуникативно-прагматическом или когнитивно-дискурсивном ключе на материале различных языков (см. работы [1; 2; 8; 10; 42]). Рассмотрение проблематики слухов сквозь призму эвиденциальности придает исследованию эпистемологическую направленность, поскольку дает возможность изучать их в контексте рационального знания, эпистемической сферы картины мира.

Наконец, релевантными для исследуемого направления представляются и работы, посвященные разработке других элементов неформальной коммуникации: городских легенд, баек, быличек и других явлений, смежных со слухами и обладающих «фамильным сходством», заключающимся в представлении ими неподтвержденной информации, включая вопросы их размежевания [12; 14; 32]. Ценность подобных изысканий заключается еще и в том, что они выявляют качественные различия и специфику указанных явлений в различных культурах, в том числе посредством контрастивного анализа.

Заключение

В рамках настоящего исследования выявлены языковедческие работы, выполненные в период с 1998 г. по 2019 г. и связанные с изучением различных ипостасей феномена слухов. Систематический обзор свидетельствует о том, что в отечественной лингвистике наметилось несколько векторов рассмотрения этого явления. Слухи в работах российских лингвистов предстают как многомерный, многоаспектный феномен и освещаются главным образом в качестве специфического жанра речи (фольклорного или устно-речевого жанра в неформальной коммуникации), конституента устного коммуникативного канала, культурного концепта, а также особого вида коммуникативной деятельности. Несмотря на наблюдаемую вариативность лингвистического измерения, можно выделить два основных сложившихся методологических подхода к изучению слухов и соположенных им явлений: коммуникативно-ориентированный и культурологически-ориентированный. Первый представлен прежде всего функционально-прагматическим, речеведческим и дискурсивными типами анализа. В рамках второго подхода слухи исследуются посредством методов функционально-семантического, социокультурного и когнитивно-лингвокультурного направлений языкознания. В работах, авторы которых инспирированы двойным интересом, зачастую эти подходы пересекаются.

Таким образом, масштаб и глубина изучения лингвистических аспектов слухов благодаря усилиям языковедов стимулируют, по нашему мнению, возникновение в рамках лингвистики самостоятельного направления, в фокусе внимания которого находятся лингвистические аспекты феномена слухов, включающие его рефлексивность в языке и коммуникации. Начальный этап становления ознаменовался получением конкретных результатов по осмыслению лингвистического статуса слухов. Перспективу будущих работ, на наш взгляд, составляет углубленное изучение слухов как коммуникативного и когнитивного явления посредством совокупности лингвистических методов во взаимосвязи с интралингвистическими и экстралингвистическими факторами, что, несомненно, даст возможность приблизиться к созданию полномасштабной лингвистической теории слухов.

Перспективой же настоящего исследования является продолжение систематизации отечественных работ, объектом которых являются слухи в различных их проявлениях, в частности обобщение изысканий в области медийного формата слухов, производимых в плоскости медиалингвистики и составляющих, по нашим наблюдениям, отдельный сегмент изучаемого направления лингвистики. Это позволит дать более точную оценку вклада российской науки в постижение этого сложного феномена.

Источники | References

1. Астахова Т. Н. Полевая структура эвиденциальности в немецком медиадискурсе: автореф. дисс. ... к. филол. н. Архангельск, 2016. 25 с.
2. Бабёр Н. В. Реализация категории эвиденциальности в немецком языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2012. 23 с.
3. Веселова И. С. Жанры современного городского фольклора: повествовательные традиции: дисс. ... к. филол. н. М., 2000. 187 с.
4. Долгая Т. А. Концепт слухов в русской культуре // Основное высшее и дополнительное образование: проблемы дидактики и лингвистики. 2000. Вып. 1. С. 95-100.
5. Долгая Т. А. О критериях достоверности валеологических слухов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 4 (46). Ч. II. С. 76-80.
6. Долгая Т. А. Слухи как вид массовой информации // Основное высшее и дополнительное образование: проблемы дидактики и лингвистики. 2002. Вып. 2. С. 113-117.

7. Загидуллина М. В. Мифотворческая функция слухов в рамках фольклета: к вопросу о расширении классической теории фольклора // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 34 (172). Филология. Искусствоведение. Вып. 36. С. 37-42.
8. Кобрин О. А. Категория эвиденциальности в современном английском языке: семантика и средства выражения: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2003. 23 с.
9. Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92-104.
10. Козловский Д. В. Дискурсивное пространство категории «эвиденциальность» в лингвосинергетическом аспекте: автореф. дисс. ... к. филол. н. Саратов, 2013. 23 с.
11. Крейдлин Г. Е., Самохин М. В. Слухи, сплетни, молва - гармония и беспорядок // Логический анализ языка: космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2003. С. 117-157.
12. Ланская Ю. С. Американская городская легенда в контексте постфольклорной культуры: дисс. ... к. филол. н. Новгород, 2006. 258 с.
13. Левкиевская Е. Е. Слухи как речевой жанр [Электронный ресурс]. URL: https://ruthenia.ru/folklore/ls09_program_levkievskaya.htm (дата обращения: 21.03.2018).
14. Никитин М. В. Реализация концепта «страх» в сценариях городской легенды: дисс. ... к. филол. н. Челябинск, 2002. 196 с.
15. Осетрова Е. В. Молва как объект интереса современных гуманитарных практик // Проблемы исторического языкознания и ментальности / отв. ред. Д. Г. Демидов. Красноярск: Краснояр. гос. университет, 1999. Вып. 3. Современное русское общественное сознание в зеркале вербализации. С. 59-68.
16. Осетрова Е. В. Неавторизованная информация в современной коммуникативной среде: речеведческий аспект: автореф. дисс. ... д. филол. н. Красноярск, 2010. 42 с.
17. Осетрова Е. В. Слухи в парадигме лингвистической генристики // Жанры речи. 2015. № 2 (12). С. 80-89.
18. Осетрова Е. В. Слухи в речевой и языковой действительности // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2003. Т. 62. № 1. С. 49-54.
19. Осетрова Е. В. Слухи в современной социокультурной среде: историографический обзор [Электронный ресурс]. URL: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/015online/osetrova.pdf> (дата обращения: 20.03.2017).
20. Осетрова Е. В. Слухи в современной языковой практике: парадокс доверия // Мир русского слова. 2008. № 4. С. 61-66.
21. Панченко Н. Н. Достоверность как коммуникативная категория: монография. Волгоград: Перемена, 2010. 322 с.
22. Панченко Н. Н. Сплетни как жанр бытового общения // Жанры речи: сборник научных статей. Саратов: Наука, 2007. № 5. С. 224-232.
23. Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: URSS, 2000. 384 с.
24. Прозоров В. В. Молва как филологическая проблема // Филологические науки. 1998. № 3. С. 73-78.
25. Рабенко Т. Г. Сплетня: юмористический профиль жанра (на материале рассказа А. Аверченко «Сплетня») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Филология. Журналистика». 2013. Т. 13. Вып. 3. С. 45-50.
26. Рамантова О. В. К вопросу о слитных речевых актах в ситуации злословия // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 11. Ч. 2. С. 48-49.
27. Рамантова О. В. Коммуникативная асимметрия ситуации передачи слухов и ситуации злословия (на материале пьес У. Шекспира) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. Серия 9. Вып. 4. Ч. 4. С. 100-105.
28. Рамантова О. В. Коммуникативная модель ситуации передачи слухов (на материале пьес У. Шекспира) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5 (59). Ч. 3. С. 121-124.
29. Рамантова О. В. Многоуровневость диалога в ситуации слухов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 8. С. 45-48.
30. Рамантова О. В. Слухи и злословие: границы категорий (на материале пьес В. Шекспира) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2011. Серия 9. Вып. 1. С. 121-127.
31. Рамантова О. В. Слухи как особый вид прагмакоммуникативной деятельности (на материале пьес У. Шекспира): автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2017. 23 с.
32. Смирнова Е. В. Устойчивые мотивы сюжета «геопатогенная зона» в городской легенде // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2010. Вып. 45. № 21 (202). С. 114-119.
33. Хакимова Г. Ш. Концепт «слух» в фокусе лексикографического анализа. Часть 1 // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2016. Т. 13. № 2. С. 29-36. DOI: 10.14529/ling160206.
34. Хакимова Г. Ш. Концепт «слух» в фокусе лексикографического анализа. Часть 2 // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2016. Т. 13. № 3. С. 38-46. DOI: 10.14529/ling160307.
35. Хакимова Г. Ш. Об одном фрагменте репрезентации концепта «слух» в английском языке // Наука ЮУрГУ: материалы 68-й Научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук. Челябинск: ЮУрГУ, 2016. С. 1492-1497.
36. Шейко Д. В. Образный компонент в структуре лексического значения лексемы «сплетня» // Язык. Текст. Дискурс: научный альманах. Ставрополь: СКФУ, 2016. Вып. 14. С. 347-353.

37. Шейко Д. В. Особенности пространственно-временной семантики адъективных сочетаний лексики «сплетня» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 6 (84). Ч. 2. С. 407-411.
38. Шейко Д. В. Сплетня как фрейм-сценарий (на материале произведений Н. В. Гоголя) // Рефлексия. 2013. № 1. С. 3-5.
39. Шейко Д. В. Феномен сплетни в русской лингвокультуре: когнисемантический аспект: автореф. дисс. ... к. филол. н. Ставрополь, 2019. 29 с.
40. Шейко Д. В. Феномены «сплетня» и «слух» как механизмы социальной коммуникации // Язык. Текст. Дискурс: научный альманах. Ставрополь: СКФУ, 2017. Вып. 15. С. 214-223.
41. Шейко Д. В. Феномен «сплетня» как десемантизированный текст // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2016. № 14. Ч. 3. С. 116-119.
42. Шестухина И. Ю. Категория эвиденциальности в русском нарративном тексте: коммуникативно-прагматический аспект: автореф. дисс. ... к. филол. н. Барнаул, 2009. 17 с.

Информация об авторах | Author information

Хакимова Гульнара Шарифулловна¹, к. филол. н., доц.

¹ Южно-Уральский государственный университет, филиал в г. Златоусте

Khakimova Gulnara¹, PhD

¹ South Ural State University Zlatoust Branch

¹ gkhakimova@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 17.05.2021; опубликовано (published): 30.06.2021.

Ключевые слова (keywords): лингвистическая теория слухов; коммуникативно-ориентированный подход; культурологически-ориентированный подход; систематический обзор; linguistic theory of rumours; communication-oriented approach; approach oriented towards cultural studies; systematic review.